

СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО

Александр НЕКЛЕССА

Фото: www.inafran.ru

Банки не одно столетие занимаются процентной колонизацией будущего, а финансовые корпорации продолжают экспериментировать с производными финансовыми инструментами, эксплуатируя время как пространство вероятностей. Риски неизвестности, между тем, это не только обременение. При грамотном управлении они практически неистощимый ресурс: страховые предприятия давно освоили мастерство конвертации неприятных сюрпризов в прибыль, а теперь тестируют венчурные методы управления ими. Социальный же транзит побуждает размышлять уже о комплексном страховании национальных и региональных рисков.

Операции с будущим присущи, конечно, не только инвестиционной, банковской или страховой деятельности. Сегодня речь фактически идет о системной организации перемен в соответствии с тем или иным шаблоном социального обустройства, политической семантикой, образом жизни, характером потребления, инфраструктурными стандартами, условиями кредитования. При освоении будущего реализуются стратегии, которые воспроизводят, развивают и распространяют вовне заложенные в культуре ценности и целеполагание.

*НЕКЛЕССА Александр Иванович,
руководитель группы ИНТЕЛПРОС («Интеллектуальная Россия»),
заведующий Лабораторией «Север-Юг» ИАФР РАН*

*Стоит только попристальнее взглядеться
в настоящее, будущее вдруг выступит само собою.*

Николай Гоголь

Проблематика, которой я по преимуществу занимаюсь, это будущее в широком смысле. Но мыслить будущее не значит представлять более-менее отдаленные по времени картины жизни; приходится, скорее, размышлять о сложной партитуре перемен, отыскивая в ней особые созвучия.

Активное представление будущего — своего рода извилистая дорожная карта опознания и решения критических задач, возникающих при прохождении исторических развилки и перекрестков. Иначе говоря, занимающийся прогнозированием «футуролог» — это человек, который пристально вглядывается в настоящее.

Для творческого ума будущее — не хронометраж и не апгрейд событий, но пришествие в мир иного. Стратегическое планирование существенно отличается от оперативного: доминанта первого — контекст, результативность второго — текст. Тактические и стратегические цели порою противоречат друг другу. Рефери тут — горизонт планирования. Будущее отрицает прошлое, проращивая множество экзотичных зерен, как результат — с привычным порядком вещей происходят метаморфозы, конструктивные и деструктивные.

Ускорение и неопределенность, запутанность социального времени обращает будущее в кипучий Клондайк, перспективную нишу, где реализуются потенциал и преимущества креативных, венчурных личностей над многими сложившимися организмами и обстоятельствами. Ситуация отчасти напоминает былое состязание небольших подвижных особей и медлительных гигантов... Есть, однако, психологическая проблема. Обострение ситуации ускоряет время и повышает риски. Трансформация нелинейна по природе и драматична по содержанию — по сути это не продвижение куда-то, а несбалансированное, напряженное изменение чего-то, столкновение с хаосом, мутация, преобразование. Будучи асимметричным и скачкообразным, преодолевая инволюции и рекуррентности, процесс реализуется не в хронологической последовательности — по крайней мере, не для всей планеты и популяции. Футур-история расщепляется на автономные локусы и разновекторные маршруты.

Хроники глобального сообщества имеют, таким образом, и пространственное выражение, мир не без химеричности: Амазония и Силиконовая долина расположены на одной планете. Причем со-бытие разнородных политорганомов в одном хронотопе стимулирует не только технологическое развитие, но также цивилизационную коррупцию. Прошлое может быть не менее агрессивно и наступательно, чем будущее... Рассуждения на данные темы — в рамках разговора о переменах — лет двадцать-тридцать тому были в России практической озадаченностью. Сейчас ситуация изменилась. Что же касается «мировой системы», ее предельный рубеж — грядущая сингулярность: новый формат личности и среды обитания (ценоза), предопределенные усложнением взаимодействий, существенной диверсификацией и дополненным статусом реальности.

ПРЕДЧУВСТВИЕ БУДУЩЕГО

Наш век уже не является обычной революционной эпохой; мы вступаем в новую фазу метаморфоз истории.

Мир стоим на пороге трансформации, более драматичной по своим историческим и человеческим последствиям, чем даже те, которые были порождены французской или большевистской революциями.

Збигнев Бжезинский

Мир и Россия переживают кризис перехода, который стимулируется двумя факторами: во-первых, реальностью глобального массового общества, получившего доступ к достижениям современной цивилизации, и во-вторых, революцией элит как класса и как личностей.

Мироустройство, сложившееся в эпоху Модернити, существенно меняется. Трансформируется система международных отношений, расширяется номенклатура внешнеполитических организмов, появляются слабоформализованные игроки. Национальное государство утрачивает былую исключительность, сужаются его возможности властного управления человеческими траекториями, сохраняя вместе с тем качества и блага суверенного правового сообщества.

В борьбе за будущее состязаются инновационные формы внешнеполитической организации: мировые регулирующие органы, страны-системы, различного рода субсидиарные автономии, государства-корпорации и корпорации-государства, квазисуверенные государства, сепаратистские образования, экономические интегрии и политические ассоциации, влиятельные антропо-социальные сообщества — власть вне государственности: подвижные архипелаги, конституирующие de facto новый тип политорганизмов и систему мировых связей. Растут дисперсность мироустройства и трансграничная мобильность, мировой рынок обретает черты особого миропорядка, усложняется элитный зонтик как регулятор власти.

Происходит интенсификация новизны, и скорость изменений сама по себе становится существенным фактором. Генеральный тренд — движение от систематизированного индустриально-информационного пейзажа к холмистому ландшафту креативного общества. Императивом века оказывается не наличие традиционных ресурсов, но технологическое и антропологическое продвижение: экономики ранжируются в соответствии с индексом их сложности, а не в категориях ВВП и подобных индикаторов состояния. Человечество обновляет инструментарий цивилизации, поскольку прежние технологии пробуксовывают как не вполне отвечающие новой действительности. Происходит смещение прогресса с сугубо научно-технического вектора развития via информационная волна (нейросеть) на социо-антропологический. Камертон новой повестки: сложный человек в сложном мире — акцент переносится на творческие и нейро-физические потенциалы плюс дополненную реальность.

Сегодня мы наблюдаем, наверное, апогей массового общества, его глобальную манифестацию — трансформацию в совокупность индивидов, получивших доступ к эффективным инструментам, включая высокотехнологичные. Параллельно развивается революция элит. В мире утверждается влиятельный персонаж — *manterpriser*, человек-предприятие, в числе которых Илон Маск,

Уоррен Баффет, Сергей Брин, Стив Джобс, Билл Гейтс и им подобные. Россия фактически состязается сегодня не с США, Европой или Китаем, а с «Илоном Маском», но, кажется, это не совсем очевидно.

Что такое Дональд Трамп? Это тоже пример новизны, яркий и резкий симптом перемен — в данном случае кризиса политической бюрократии США в том виде, в каком она существовала. Brexit — аналогичное по сути знамение кризиса бюрократической машины, но уже Европейского союза.

Китай также ощутил и по-своему осознал императивы эпохи. Нынешнее руководство провозгласило программу построения гармоничного, креативного общества с высокими доходами, взяв курс на его реализацию к 2030 году¹. КНР постепенно выдвигается и во внешний мир, обустривает транспортно-логистические плацдармы в Африке, формирует ШОС в Евразии. ШОС — организация, служащая, судя по всему, реализации в первую очередь китайских инфраструктурных проектов: в последнее время — обустройства транспортных артерий/порталов Великого шелкового пути и стратегически важных континентальных трубопроводов (китайцы по понятным причинам с недоверием относятся к морским маршрутам снабжения). Но сегодня Китай задумывается о серьезном преобразовании систем управления, о стратегии обновления и формате власти в меняющейся реальности.

В конце прошлого года медиагруппой Caixin, близкой к китайскому руководству, была опубликована примечательная статья «Реформа структуры, реформирующей систему, является самой важной» о трех уровнях реформирования: технологическом, системном и структурном (интересно, что именно в Китае об этом зашла речь). Суть ее примерно такова. Настоящее реформирование, имеющее целью результативную адаптацию к непростому, быстро меняющемуся миру — это не модернизация инструментов и технологий, и даже не перемены в правилах игры. Прежде всего, это изменение генеральной структуры, которая осуществляет управление, то есть трансформация системы власти, инициирующей, проектирующей и воплощающей реформы — инструменты достижения цели. Китайцы экономны, они не особо стремятся создавать оригинальный продукт, «прокладывать лыжню», предпочитая брать на рынке идей, проектов, технологий то, что представляется в данный момент наиболее эффективным (хотя и это может измениться). Выбранный на глобальном рынке продукт затем переосмысливается и адаптируется под национальную специфику: раньше это был марксистский протокол, сегодня Пекин присматривается к американскому опыту, то есть к системе власти, созданной отцами-основателями США².

ОПЕРАЦИИ С БУДУЩИМ

Мировой дух творит историю, пользуясь частными интересами.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Невзирая на сопутствующие риски, искусство распоряжения будущим, его конструирование, имеет долгую историю. Банки не одно столетие занимаются процентной колонизацией будущего, а финансовые корпорации продолжают экспериментировать с производными финансовыми инструментами, эксплуатируя время как пространство вероятностей. Риски неизвестности, между тем, это не только обременение. При грамотном управлении они практически

неистощимый ресурс: страховые предприятия давно освоили мастерство конвертации неприятных сюрпризов в прибыль, а теперь тестируют венчурные методы управления ими. Социальный же транзит побуждает размышлять уже о комплексном страховании национальных и региональных рисков.

Операции с будущим присущи, конечно, не только инвестиционной, банковской или страховой деятельности. Сегодня речь фактически идет о системной организации перемен в соответствии с тем или иным шаблоном социального обустройства, политической семантикой, образом жизни, характером потребления, инфраструктурными стандартами, условиями кредитования. При освоении будущего реализуются стратегии, которые воспроизводят, развивают и распространяют вовне заложенные в культуре ценности и целеполагание.

Модель самореализации исторического персонажа — это сумма испытанных временем концептов и практик, политических, экономических, культурных протоколов, конкурирующих подобно дизайнерским пакетам глобальных корпораций. Расширение среды обитания культурно-исторического типа — своего рода терраформирование, своеобразный франчайзинг будущего, капитализирующий систему взаимосвязей, протекций и других сложившихся отношений. Подобный пакетный подход к освоению зыбких земель предполагает продвижение матрицы футур-формирования в конкурентном поле социоформатов и бизнес-протоколов. Делегируя при этом территориальному или региональному мастер-франчайзи преференции клонирования с определенными привилегиями и оговорками³.

Новая культура и среда, влияя на содержание и корректируя траектории развития, тоже реплицирует себя, воспроизводя собственные механизмы при одновременной трансляции системы льгот/ограничений, то есть по-своему франшизируя мир. Невоплощенные альтернативы, генетика и фрагменты неизвестных культур также конкурируют с историческими персонажами, заметно усложняя карту цивилизаций.

Будущее проектируется в местах, где сплетены сейчас нервы мира, оттуда оно распространяется по планете, обретается партнерами, соучастствующими в производстве, но не иницилирующими его; потребителями, которые усваивают прописанную им версию; и, наконец, теми, кого история вытесняет на пепелище, отчуждая от будущего. Агентство 2thinknow Innovation Centre Cities регулярно публикует рейтинг (global index) инновационного потенциала городов планеты — источников маршрутов и лекал будущего, подразделяя их на 5 классов: сплетения (nexus), хабы (hub), узлы (nod), продвинутые (advanced), стартапы (upstarter). В сущности, это классификация городов по степени их проникновения в грядущее и обратного влияния на окружающий мир. Последний по времени индекс так представляет десятку лидеров: Лондон, Сан-Франциско/Сан-Хосе, Вена, Бостон, Сеул, Нью-Йорк, Амстердам, Сингапур, Париж, Токио⁴.

Между тем проникновение в будущее в оригинальной и произвольной конфигурации сталкивается в наши дни с вязкой полифонией социального текста, возрастанием требуемых усилий и сгущением неопределенностей. Время становится базовым стратегическим ресурсом, начинает по-своему обулаиваться, распределяться, доминировать над сжимающимся (эффект

развития физических/виртуальных коммуникаций) пространством, повышая социальный вес и обретая сложную геометрию.

ВОЙНА, КОТОРАЯ НЕ-ВОЙНА

*Война стала роскошью,
которую могут себе позволить лишь малые нации.*

Ханна Арендт

Системы разной степени сложности подчиняются несовпадающим законам, политическая, экономическая, военная теория/практика индустриального толка сейчас активно корректируется. В черновиках повседневности прописываются строки, весьма отличные от стереотипов, в результате рождаются нетривиальные комбинации событий, а структуры повседневности предстают в непривычном виде.

Возьмем, к примеру, внешнюю политику Вашингтона, развивавшуюся в русле доктрины Обамы. Америка вплотную приблизилась к базовой ресурсной независимости, определяемой энергоресурсами (по крайней мере в рамках континента), что стимулирует снижение военно-полицейской активности. Особенно когда та или иная заморская ситуация не представляет непосредственной угрозы национальной безопасности США. 44-й американский президент на первое место в списке угроз ставил климатическую проблему, другие нестроения в экологии, затем в этом реестре шли терроризм, ИГИЛ и КНДР вкупе с другими азиатско-тихоокеанскими нестроениями. Сирия же, Ирак, Афганистан, Украина расценивались, скорее, как избыточные обременения, военного вовлечения в которые Белый дом при прошлой администрации хотел бы избежать, отойдя от практики военных интервенций⁵. В результате, несмотря на разрастание списка горячих проблем, военный бюджет Соединенных Штатов за годы президентства Барака Обамы сократился более чем на 100 миллиардов долларов.

Впечатляет нынешняя популярность китайских исторических и военных трактатов, в которых постулируется, что воевать на поле боя — дело неудачников в политике и стратегии, а сугубо милитаристское целеполагание, связанное с обретением территориального контроля, рассматривается как обуза, выкачивающая ресурсы и ограничивающая свободу действий. Происходит переосмысление оккупации как социокультурной реконструкции, и как результат — уклонение от физического овладения территорией, прямого боевого столкновения. Примером территориально-властного мышления стала Крымская операция, спланированная и реализованная в геополитических категориях, в то время как международно-правовая, геоэкономическая, геокультурная проблематика остались на периферии внимания, осложняя каждый последующий шаг. Клаузевиц, кстати, хорошо понимал, что в войне речь идет главным образом об эффективной кризисной реконструкции, в своей основе это проецирование воли, имеющее целью установление иного порядка.

Состояние мира между тем порождает сомнения: так ли перспективна политика универсальной пасификации? Что если семьдесят послевоенных лет окажутся — при всех драматичных коллизиях, включая холодную войну, — своеобразной большой паузой, антрактом перед очередным зигзагом истории?

Действительно, в последнее время военная тема обретает второе дыхание, вот только ее характеристики претерпевают заметную модификацию⁶.

По своей сути война — разрушительное усилие, сумма действий, решительно опровергающих сложившиеся обстоятельства. Однако военная машина — это мощь, способная воздействовать на обстоятельства, не только извергая огонь и железо, но отбрасывая влиятельную тень. В постсовременной среде меняется сам язык войны, растет значение мастерства в создании ситуаций, «превосходящих возможности анализа, прогнозирования, выработки правильных решений и их реализации» противником⁷. Стремление к нанесению разрушений и потерь замещается захватом стратегической инициативы, фрустрацией противника, его моральным сокрушением, организацией замешательства в кругу лиц, принимающих решения, подавлением их воли и подведением к принятию критически неверных решений.

Война является искусством, сопряженным с широким спектром возможностей и рисков. Нынешнее умножение возможностей создает пугающее разнообразие рисков, модифицируя и усложняя характер войсковых, иррегулярных и небоевых военных операций. Об усложнении композиций военного искусства свидетельствует развитие профессионального языка. В военную теорию проникают такие понятия, как «проактивность», «неопределенность», «комплексность». Речь идет об активной разведке будущего, тенденциях его поступательного контроля и деятельного освоения. Анализируются отдаленные и гипотетичные обстоятельства, определяются пути преадаптации, средства купирования тех кризисов, которые еще не произошли. Сценарная проработка конфликтов в стилистике многозначности сопровождается превентивными акциями по искоренению опознанных угроз на стадии зачатия. Еще одна актуальная категория — преэмптивность, корень слова — «пустота», то есть имеется в виду выявление и заполнение релевантных ниш, которые противник не видит.

Внимание уделяется опережающим разработкам, адаптации технологий, перетекающих в военную сферу из гражданской, включая информационные и высокие гуманитарные технологии — high hume. К процессу привлекаются различного рода частные предприятия, интеллектуальные корпорации, венчурные организмы, опознаются и апробируются средства господства, выходящие за рамки привычных боевых регламентов. Расширился диапазон противоборства: к ареалам суши, моря, воздуха, космоса добавилось киберпространство, в процессе становления — психолого-социальный домен. В сложившемся глобальном контексте технические средства решают задачи универсального контроля над возникающими обстоятельствами и предполагаемыми ситуациями.

Смоделирована и воплощается система механизмов и технологий, формирующая информационно-деятельностные массивы и реализующая универсальную транспарентность: программирование взаимопроникающих пространств (pervasive computing), глобальный мониторинг (planetary skin), активация интеллектуальных (активно-адаптивных) навигационных структур с дополнительными функциями, сопряженных с геопространственной разведкой (geospatial intelligence), способных к широкому охвату целей и непрерывному их отслеживанию. Система включает совокупность информационных структур (global information grids), обеспечивающих наблюдение за почвой,

атмосферой, промышленными выбросами, электропотреблением, геологическими и климатическими процессами, инженерными, технологическими, финансовыми, социальными, антропологическими ситуациями при помощи спутниковых и наземных систем наблюдения, включая данные радиочастотных идентификаторов и наноразмерных датчиков.

Еще один пункт актуальной повестки, влияющий на характер силовых акций и состояние гражданского мира — экспансия трансграничного терроризма, использующего преимущества распределенной организации и сетевого «управления дикостью» (undernet), что повышает адаптивность и эволюционные возможности. Причем тему «шахидизма» как антропологического оружия вряд ли следует рассматривать в качестве исключительно исламистского явления, корни феномена глубже, а перспективы шире.

Помимо неопределенной субъектности и прокси-конструкций это может быть, к примеру, атомизированный суицидальный терроризм, не имеющий прямого отношения ни к одной из идеологических или конфессиональных доктрин, будучи симптомом универсальной актуализации культуры смерти. Квази-ислам, вероятно, инициирует более опасные формы агрессии по отношению к современному обществу и цивилизации, колонизируя земли, где конфессиональные или социальные мотивы замещаются психологической доминантой. Происходит модификация среды, уязвимой оказывается сама концептуалистика открытого общества, архитектура его институтов, весь обширный инструментарий эпохи. Подобное расширение военной/паравоенной проблематики предполагает изменение взгляда на войну как спланированное и централизованно управляемое действие, императивность различения тенденций социализации и персонализации, жертвенности и ярости, насилия и усилия, воплощаемых действием, словом, мыслью.

Феноменология активного действия, включая военные практики, преобразуется и переосмысливается. Дело не просто в иррегулярном формате военных операций, комплексный мир интегрирует то, что ранее было дисциплинарно рассечено: война, экономика, культура, индивидуальное развитие и групповое взаимодействие сливаются в единый континуум. Война обретает более широкий, нежели милитарный смысл, причем процесс можно толковать двояко: как силовую экспансию, то есть широкое и устойчивое использование гражданских практик в качестве оружия («небоевые военные операции»); или же как специфическую пассивацию, при которой военные действия, растворяясь в гражданских практиках, по-своему ослабляются, социализируются и гуманизируются. Проблема, скорее, в удержании либо утрате морального императива.

ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

*Ощущение возможной реальности следует ставить выше
ощущения реальных возможностей.*

Роберт Музиль

Глобальная трансформация, стартовавшая на исходе века, радикальным образом обновляет механизмы цивилизации, редактирует секулярные прописи Просвещения, политические и социальные регламенты Модернити, переписывает реестры востребованных новой эпохой компетенций. Изменение мен-

тальности и инициируется конкуренцией, использующей эволюционные стимулы и предъявляющей динамичный горизонт. Планирование становится все более сложным и гибким искусством, связанным со становлением неравновесного, многослойного мира с непростой суммой возможностей и рисков. Целостность оказывается результатом непрерывного продвижения к цели, ее постижения.

Развитие как постижение/созидание комплексной реальности аккумулируется и проявляется в культурных и антропологических результатах. Если «будущее уже здесь, просто оно неравномерно распределено» (Уильям Гибсон), то из обитателей количественного индустриализма люди в персональном статусе мигрируют в несуществующий до времени мир, где категория количества утрачивает былое значение, уступая первенство качеству среды и уникальности личности, что и является критерием перемен (т. е. преобразование особей влечет эволюцию сообщества).

Примерный аналог ситуации — генетическая мутация в биологическом организме, когда единичное событие на краю горизонта способно преобразить и преобразовать систему. Социальная аппликация алгоритма — формирование в теле несовершенного политорганισμού иного сообщества, контробщества, обладающего интеллектуальным и моральным превосходством.

Дело, по-видимому, вот в чем: социосистема сложна по самой своей антропологической природе, поэтому, как любой био(социо)ценоз, чревата взрывчатыми фазовыми переходами. Иначе говоря, стратегирование должно быть диалогично и диалектично, причем с привкусом негативной диалектики, а не монологично и нормативно, то есть реформы, чтобы выдержать испытание будущим, предполагают властный диалог и наличие критического класса.

Эффективность системы сопряжена с развитием концептуальной разведки, механизмов самоорганизации и адаптивности, капитализацией неявного знания, жизнеспособностью и вариабельностью, а не просто с контролем, управлением и целеполаганием.

Речь при этом идет не только о методах и технологиях. Мы оперируем понятием «сложность», но, боюсь, как бы не возникла аберрация в восприятии данной категории. Сложная антропологическая система — это не запутанный блужданиями в дурной бесконечности лабиринт и не свалка неразобранных проблем и событий, а весьма специфичная динамическая организация, управляемая за счет познания/признания непростых, неочевидных, странных закономерностей бытия. Ее отличительные свойства: видовое разнообразие (закон Эшби), способность к обильному производству разноречивой информации, самоусложнению и самоорганизации, наличие фактора неопределенности. Протейную природу подобных систем недавно зримо продемонстрировали эксперименты с плазмой в космосе. Если сложность и предстает перед нами как хаос, то это беременный хаос, в подвижных очертаниях которого присутствует иной, нежели ранее известный порядок. Со времен Луи де Бройля, Гейзенберга, Шрёдингера, а затем Эдварда Лоренца, Ильи Пригожина, Бенуа Мандельбро проблематика неопределенности и комплексности стала одним из генеральных направлений исследований. Правда, возникает вопрос о соотношении реалий и метафор.

Будущее со-существует с настоящим и прошлым, выплескиваясь из подспудных или небесных глубин, сегодня мы живем в потоке галолирующих

перемен с возрастанием ставок — даже не бифуркаций, а полифуркаций, представляем же транзит как тот самый апгрейд: движение по согласованному маршруту из пункта А в конечный пункт Б. Иначе говоря, пребываем в ожидающей результирующей стабильности, мыслимой на практике как статичность, то есть в своих представлениях и предпочтениях склоняемся фактически к карнавализации застоя.

Примерно так в СССР и представляли коммунизм, хотя сам Маркс все же определял его иначе: не как состояние, а как «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»⁸.

ПЕРМАНЕНТНАЯ КОНТРЕВОЛЮЦИЯ

*Мы не мыслители... Мы делаем вещи.
Мы не теоретизируем, мы создаем. Мы мастера на все руки.*

Стивен Кинг

Интеллектуальное и моральное банкротство влекут поражение. Человеческий интеллект способен преодолевать шаблоны сознания, вскрывая неоднозначность того, что представляется простым и очевидным, постигая умом комплексный характер реальности, физической и социальной, которая зависит от позиции и намерений соучастников-наблюдателей. Процесс отчасти подобен подстриганию английского газона, он требует совмещения профессионального опыта и персонального мастерства, но также — подлинности в промышленности оснований и непредвзятости в размышлениях о возможных состояниях естества.

Прежняя система при этом пытается репрессивно контролировать, порою прямо подавлять развивающуюся и самоорганизующуюся сложность. Вместе с тем прошлое может, как это ни парадоксально, являться активным и даже назойливым агентом перемен.

Критически важно вовремя отличить актуальную повестку от ложной. Продвижение России в будущее, декларированное ранее в категориях утопизма, в последнее, но уже вполне продолжительное время мыслится как обустройство улучшенной версии контролируемого настоящего. Иначе говоря, в русле уплощенного концепта развития — аморфно-позитивистских (механистичных) представлений о стабильности и попыток апгрейда прошлого в стилистике индустриально-экономических реформ. Настораживало, однако, умножение симптомов неоархаизации.

Пример редукации целеполагания — сугубо экономистичный подход к исчислению развития, причем преимущественно на основе дремучих показателей, наподобие ВВП. Но развитие страны/народа несводимо к экономике, да и достижения экономики — лишь к росту ВВП. Экономика — деятельное производное от состояния общества. С российским ВВП вообще забавно/печально выходит. Люди при относительно небольших затратах, не так давно публично анонсированных, извлекают из земли то, что в ней находится (историческая дилемма «присвоение» vs. «производство»). Получается же, будто они это измыслили-изготовили, что лишний раз подтверждает — ВВП (тем более отягощенный определенной лукавостью ППС) несовершенный инструмент для оценки развития. Экономика высокого уровня, находящаяся на пике

конкурентной пирамиды, доминирует в экспорте сложной продукции и чревата мультипликативными эффектами, инновациями, экспансией того же универсального франчайзинга. Она продукт сообщества с заметно иным аттрактором, адаптированного к комплексной деятельности, обладающего актуализированным человеческим, интеллектуальным, культурным капиталом, впечатляющим технологическим разнообразием и соответствующей инфраструктурой.

Все-таки не экономика сама по себе является главной целью развития, она отражает скорее достигнутый уровень власти над природой и житейскими обстоятельствами, являясь инструментом. Но и в экономике виден генеральный вектор перемен — ключевая роль нематериальных активов, особенно человеческих и культурных. А вот тут у России как раз проблема.

Транзит от индустриализма Модернити к нелинейной действительности происходит на наших глазах, но не в РФ. Страна, как и ряд других сообществ, оказалась в полосе отчуждения от постсовременности и, судя по всему, пребывает в интеллектуальной и социальной растерянности. Альтиметрические российские элиты ощутили оскомины от непростого искусства управления в комплексной среде: они в целом не обладают необходимым уровнем культуры/образования, альтруистическими или отчетливыми моральными качествами, их карьерные траектории сложились во многом волею обстоятельств, а не профессионального мастерства. Аморализм и короткий оперативно-тактический горизонт планирования сами по себе чреватые негативными следствиями: постиндустриальной контрреволюцией, деградацией культурного капитала, профанацией и утратой идеалов. Отношения, как правило, превалируют над содержанием, а доминирующими ценностями становятся денежный доход и авторитетная чиновничья позиция. В последнем случае, пребывая в геделевской ловушке, субъект перемен будет в той или иной степени имитировать, а не эмитировать будущее, поскольку на деле он стремится удержать (а по мере возможностей и улучшить) ситуацию, сопряженную с преимуществами собственной позиции, фактически продлевая status quo. Сегодня даже те, кто в российской политике пытается заниматься реформами, находятся в этой ловушке.

Так или иначе это состояние будет преодолеваться, практически все ситуации транзитны. Вопрос, как правило, не в том, имеется ли решение, вопрос в его цене, характере и последствиях. Пока же Россия пребывает в очаровании методов XIX — первой половины XX века. Воевать «против кого-то» — ментальность рефлекторного типа, в то время как настоящая проблема — проникновение в будущее и его эффективное освоение.

Время все чаще стимулирует нас относиться к сложившимся обстоятельствам как транзитной категории.

РЕКОНСТРУКЦИЯ РОССИИ

Будущее состояние вещи уже начинает существовать в настоящем, и состояния противоположные суть следствия одно другого неминуемые.

Александр Радищев

Страна — это не территория и не государство, которое есть инструмент управления. Это совокупность людей, то есть нация, «сообщество людей, которые через единую судьбу обретают единый характер» (Отто Бауэр), res

publica. Судьбоносные реформы могут реализовываться усилиями элит либо авторитарной власти, при этом, однако, критически важна полнота национального консенсуса, умело сопряженного с ценностями общества и целями страны, а не интересами отдельных групп. Первоочередная задача государства — защита граждан, обеспечение их внутренней и внешней безопасности, то есть поддержание оптимальных/достойных условий жизни и деятельности.

В нынешней исторической ситуации основным национальным капиталом является не совокупность собранных территорий, а качество людей, населяющих страну, образно говоря, не площадь неба, а сумма звезд. Грамотная реструктуризация власти — ключевое условие успеха, и долг национальной элиты — создание умной прописи этой важнейшей реконструкции. От качества исполнения задачи, от того, как промыслен, формализован и функционирует общественный договор — то есть кем и по какой процедуре реализуется продвижение в будущее, — зависит, возводятся ли здания на скале или же на песке.

Реконструкция России так или иначе неизбежна. Есть логика больших систем, можно что-то приблизить или отсрочить, но избежать нельзя. Сейчас пошли первые кадровые изменения. Грядет вторая волна, связанная со структурой очередных реформ, которую изберут к добру или худу. На что все-таки в первую очередь следовало бы обратить внимание в нынешней ситуации? Назову несколько кризисных пунктов, относящихся к внутривнутриполитической сфере.

Первое и, как представляется, основное — неконкурентоспособность ригидных структур и охранительных механизмов, основанных на патернализме и авторитаризме, в динамичном многослойном мире, хотя Россия и предрасположена к патернализму в силу своей культурной неформальности. Императивом является трансформация деятельной среды, нацеленная на ее сопряжение с кодами практики, порождающей сложные (sophisticated) ситуации, уникальные инструменты, оригинальные продукты, опережающие услуги. Основание и приоритет подобных эффективных социоструктур — человек как сложноорганизованная личность, его культурный, интеллектуальный, метафизический кругозор.

О ревизии структуры власти и управления упоминалось выше, эта проблема многоаспектна, включая региональный и национальный аспекты. Необходимо также устранять барьеры, препятствующие самоорганизации общества, стимулируя социальный, а не коррупционный инстинкт. Формула успеха — естественность перехода личного творчества в социализированный результат, в противном случае траектория перенаправляется в сферу деструктивных практик. Русская геоэкономическая доминанта амбивалентна, ее козырь — креативность в широком смысле: инакости, идеи, открытия, инсайты, художественные образы, импульсы, мемы... В новом мире субстанция творчества — востребованный продукт, но и своеобразный джокер, идеи правят миром сами по себе. Будучи фрустрированной, эта суперпозиция русской культуры не только принижает статус земных изделий и долженствований, но может воспроизводить различные версии нигилизма.

Более чем актуальна для Российской Федерации проблема моральной коррупции, личностной деградации, инволюции этического стандарта, деформации, замещения, вытеснения подлинности. Общество нуждается в мо-

ральной, культурной, интеллектуальной реабилитации, реституции основных человеческих качеств. В калейдоскопической вселенной ценности являются центром социокультурной гравитации, а целостность — результатом продвижения к цели, ее непрерывного постижения⁹.

Область национального ландшафта, пребывающая в явно кризисном состоянии, — культура. Кроме того, асимметричное расслоение общества, метаморфозы «среднего класса» соединяют сегодня носителей несовпадающих культурных моделей, стимулируя социальную какофонию и редуцируя профессиональные компетенции. Но культура — это не только литература, живопись, музыка или театр. Предметное поле культуры гораздо шире, если обойтись одним словом — это цивилизованность. Именно ее нужно удерживать, усиливать, предъявлять, для чего необходимо преодолевать невежество и восстанавливать утраченное, прозревая будущее сквозь пелену времени и конъюнктуры.

Не менее критическая сфера — интеллектуальный хай-тек. В России ощущаем гуманитарный провал, дефицит интеллектуальной/профессиональной среды соответствующего класса. Публицистичность различного рода замещает дисциплинированное рассуждение, а некомпетентная метафоричность искажает категориальный аппарат. Следует отстраивать инфраструктуру перманентного образования, имея целью не просто освобождение от невежества, но формирование высокоорганизованной личности, способной эффективно развиваться и действовать в сложном мире. Умение прозревать невидимые миру горизонты в значительной мере определяется привычкой субъекта к самостоятельной деятельной рефлексии и диалектичному анализу ситуаций.

Необходима серьезная модификация и приоритетное финансирование здравоохранения, к примеру, за счет профессионального спорта. Причем под здравоохранением я понимаю не столько медицину как таковую, сколько критичность категории здоровья, проблему российской врачебной квалификации, целостность физического и эмоционального статуса, компенсацию высокого уровня стресса у населения страны.

Еще одна актуальная тема — отсутствие реалистичной, конструктивной модели развития, неразличимость образа будущего, императив его активного представления, формирование инфраструктуры долгосрочного прогноза и стратегического планирования.

Отдельным пунктом я бы обратил внимание на состояние российской судебной системы...

Вряд ли в короткой статье можно даже бегло перечислить, тем более подробно прописать все необходимое для коррекции нынешней ситуации, разве что указать на отдельные пульсирующие болевые точки. Кризис перехода, между тем, напоминает ситуацию «витязя на распутье», когда заминка с выбором направления сама по себе является своеобразным выбором.

Примечания:

¹ Доклад Всемирного банка и Центра исследований развития Госсовета КНР: «China 2030: Building a Modern, Harmonious and Creative High Income Society». Conference Edition. Washington. 2012.

- ² Вот ключевая сентенция из этой статьи: «Структурная трансформация системы является первоочередной задачей. Если имеется превосходная структурная организация системного уровня, хорошая система будет произведена. А хорошая система будет порождать передовые технологии. Я думаю, именно поэтому Вашингтон, Джефферсон, Франклин и другие отцы-основатели Соединенных Штатов почитались последующими поколениями. Они создали превосходную структуру для системы. «Caixin: The Founding Fathers of the United States Created a Superior Structure for the System» URL: <http://chinascope.org/main/content/view/7640/106/> (accessed 24.02.2016). Оригинал статьи URL: <http://opinion.caixin.com/2015-12-31/100894693.html>.
- ³ Подробнее см.: А.И. Неклесса Франчайзинг будущего. — *Buybrand Inform*. 2016. № 6, С. 68–69.
- ⁴ *Innovation Cities™ Index 2015: Global*. URL: <http://www.innovation-cities.com/innovation-cities-index-2015-global/9609> (accessed 12.02.2016).
- ⁵ Niall Ferguson. *Barack Obama's Revolution in Foreign Policy*. — *The Atlantic*. 2016. March 13. <http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/03/obama-doctrine-revolution/473481/> (accessed 12.04.2016).
- ⁶ Подробнее см.: А. И. Неклесса, Н. Ю. Ютанов. *Война в сложном мире. Деструкция и порядок*. — *Стратегия России*. 2016, № 10.
- ⁷ Подробнее см. *Win in a Complex World. The US Army Operating Concept 2020 — 2040* (TRADOC Pamphlet 525-3-1). 31 Oct. 2014.
- ⁸ Марксизм в СССР декларировали и представляли весьма превратно. Например, под видом марксистского постулата бытовало воспевание труда («человек труда», «владыкой мира будет труд» и т. п.) при ясно сформулированном отношении основоположника к данному предмету: «...коммунистическая революция <...> устраняет труд». Причем Маркс пояснял, что дело тут не в «освобождении труда», а в освобождении человека от труда: «Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить... Если коммунизм хочет уничтожить как заботу бюргера, так и нужду пролетария, он ведь не сможет, само собой разумеется, сделать это, не уничтожив причину той или другой, то есть не уничтожив труд». Карл Маркс. «Немецкая идеология» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, с. 70, 207). Футурология Маркса, его прозорливость, касавшаяся будущей проблематики, заметно превосходила не только его же экономические штудии, но и политологическую/политическую доктрину.
- ⁹ Фридрих Вильгельм III, затеявая после поражения в войне с Францией большие прусские реформы, следующим образом сформулировал свое credo: «Государство должно заместить духовной силой то, что оно потеряло в физической».